

Леонов Леонид
Максимович

31.5.95

144

Леонов Леонид

31.05.94

Моск. правда. - 1994. - 31 мая. - С. 9.

ПАТРИАРХУ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ — 95!

Мироздание по Леониду Леонову

Долголетие жизненное отнюдь не всегда сопровождается долголетием творческим, скорее даже напротив. Но в случае с писателем Леонидом Максимовичем Леоновым, которому сегодня исполняется 95 лет, мы наблюдаем явление уникальное. Свой юбилей он отмечает выходом в свет романа «Пирамида» — вещи, которой читатели заждались. Ведь замысел романа относится еще ко времени Великой Отечественной, а исполнение затянулось на долгие-долгие годы.

И то сказать: сколько за двадцатое столетие пережила Россия. Не успели затянуться раны, нанесенные революцией и гражданской войной, перепавшим традиционным устоем народного бытия, а уж надо было вступать в хоть и победоносную в итоге, но смертельную схватку с фашистскими агрессорами. А следом очень малый по историческим меркам срок устройства мирной жизни, который модно ныне звать тоталитаризмом, и к концу века и второго тысячелетия нашей эры снова разлом глобального свойства, снова перепавшим только-только устоявшегося уклада, перевод его на неведомые, цивилизаторские, рельсы. Словом, очередной мировой значения эксперимент, очередное великое потрясение основ.

Наверное, потому странное ощущение испытываешь покачав при чтении леоновского итогового сочинения, что время преломляется в магическом кристалле писателя дважды, а то и трижды. Вроде бы повествование относится к 37-му году, с другой стороны, ведь это все написано о самом что ни на есть сегодняшнем, о том, над чем сиюминутно бьешься, пытаешься понять причины и истоки происходящего, но тчетно, не понимаешь. И так щемяще близки разбросанные по пространству текста первой части трехчастной книги ключевые формулы. «Россиюшка-то наша как славно полыхнула... костерок всех времен и народов!» «Национальная погорельщина», словом, да и то: «лишь пепелком святые излечиваются от непосильных мечтаний да обязанностей». Или так: «генеральный план по превращению вчерашнего наследия в утиль», «полуконтрабандный сегодня орган, так называемый дух человеческий». А вот еще, беспощадное, в духе библейских пророчеств: «Легко представить недолговременное счастье знать, отсидевшейся в подземных норах от необратимых последствий катастрофы. Уцелевшие от боли и безумия, они будут сдыхать от крыс, смрада и кровавой рвоты при виде всюду разлагающейся человечины». Или такой микросюжет: отнюдь не добровольный уход с теплотой, ибо долгим проживанием нагрета, земли в бездомную непогоду, превращение вчерашних оседлых людей в побежден-

ных, лишенцев, неприкасаемых (в беженцев, в бомжей, пользуясь нынешним лексиконом). А что, в такой развороченный человечий муравейник, в котором что тогда, что сейчас страх обитателей перед жизнью превосходил страх их перед смертью, где вольготно наместникам силы тьмы и зла, вполне мог прилететь однажды посланец мира добра и света ангелоид Дымков, дабы выявить, что чего по человечеству стоит. Вот он у Леонова и прилетел.

У писателя, который в этой своей книге на равных с персонажами действует и имеет голос, вообще особые, явно не евклидовы, да и не ньютоновы отношения с пространством и временем. Мироздание, по Леонову, крепко и прочно тогда, когда в нем как величины вполне равновеликие сосуществуют макрокосмос Вселенной и микрокосмос человеческой души. Я вынуждена для краткости воспользоваться афористичными образами русского поэта Фета, которые, на мой взгляд, предельно точно характеризуют космизм воззрений писателя, современниками которого мы имеем честь быть. Несколько архаичная на сегодняшний слух лексика поэта как нельзя лучше соответствует высокому проповеднически-пафосному строю леоновского письма. Вот глас, обращенный к Господу: «Нет, Ты могуч и непостижим / Тем, что я сам, бесильный и мгновенный, / Ношу в груди, как оный серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной». А это вызов Смерти: «Но пред моим судом, покуда сердце бьется, / Мы силы равные, и торжествую я». В свое время, посмотрев фильм «Бегство мистера Мак-Кинли» по киноповести Леонова, я была поражена сходством сцены воскрешения замороженного до наступления лучшей поры Мак-Кинли, выполняющего из убежища на обезлюдившую, пустынную, подвер-

гнутую атомной бомбардировке земную поверхность, и картины, описанной Фетом в стихотворении «Никогда». Там одинокий, восставший из гроба человек молил небеса: «Куда идти, где некого обнять, / Там, где в пространстве затерялось время? / Вернись же, смерть, потопишь принять / Последней жизни роковое бремя. / А ты, застывший труп земли, лети, / Неся мой труп по вечному пути». Поистине апокалипсические видения являются духовно чутким творцам на исходе, на излете века.

И здесь имя еще одного предшественника современного нам писателя просится на бумагу, Достоевский. О его пророчествах и прозрениях, о принципиальной диалогичности его творений вспоминаешь, читая перенасыщенное философскими спорами повествование Леонова. И именно в творческом методе Достоевского находит и пытается перенять современный мастер слова невидимые, инфра и ультра, цвета изобразительного спектра вместо обычно применявшейся трехцветки, «позволяющие полнее передать мерцающую, ежесекундно изменчивую сущность современного, на предельную скорость разогнанного человека во всей последовательности его метапсихических, что ли, оболочек».

Леонов говорил так, уже выведя в «Русском лесу» Грацианского, фигурой которого посылал предупреждение идущим следом: раздуться тем и опасны, что чрезвычайно искусно мимикрируют, обожая выставлять себя создателями и приверженцами передовых идей времени. Вспоминается, что в свое время Андрею Синявскому — Абраму Терцу инкриминировался как клеветнический на судебном процессе в числе прочих и труд «Что такое социалистический реализм». Рассматривая в качестве классического образца соцреализма роман «Русский лес», автор критического разбора уделял основное вни-

мание Поле Вихровой, не выдержавшей своей роли помещицей-дочкой в поединке с фашистским офицером, интересующимся Россией. Вывод критика неутешителен: «Гораздо важнее другое: возведенная в квадрат неизменяемость, определенность, прямолинейность положительного героя. С точки зрения здравого смысла поведение Поля может показаться глупостью». Но как высокий профессионал в своей области, чуткий к слову, Синявский не мог не отметить тут же: «Но оно (поведение Поля. — Т.С.) исполнено огромного религиозного и эстетического значения». Как прекрасно, вроде бы опровергая, критик объяснил существо этики и эстетики Леонида Леонова. Добро у последнего безусловно, абсолютно, зачастую противоположно здравому смыслу. Добро «необорачиваемо» в противоположную сторону, не играет в поддавки со злом, не пытается перехитрить его, в бой идет с поднятым забралом, открывая всю свою незащищенность, и борьба эта со всей очевидностью носит религиозный характер.

Вообще положительные персонажи Леонова зорко различают добро и зло, не смешивая одно с другим. А еще они отчетливо слышат и видят там, где большинству, пораженному духовной слепотой, ничего не видно и не слышно. И в то время, когда во многих охладевает любовь, любимые герои Леонова умножают в себе этот дар. А ведь именно слепым, глухим и безлюбим, по старинным пророчествам, будет выглядеть мир, озабоченный исключительно проблемами дня, велениями плоти, перед пришествием антихриста. Потому еще согласился певец и защитник русского леса опубликовать свою последнюю книгу даже не в отлившейся до совершенства форме, что хотел, чтобы продуманное им в течение полувека все-таки дошло до читателей в преддверии «самого грозного из всех когда-либо пережитых нами потрясений» — вероисповедных, этнических и социальных — и уже заключительного для землян вообще».

На примере Леонова мы вновь убеждаемся, что настоящий писатель и в нынешней России больше, чем просто сочинитель занимательных сюжетов, нанизыватель узорных словес. Хотя по части разыскания лексических богатств и составления фигурных оборотов речи вряд ли у юбиляра есть сегодня в отечественной литературе достойные соперники. Писатель, по мнению самого Леонова, тот же лекарь, но в его книгах не утешная сладость сахара-рафинада, а горечь упреждающего слова. Целительная горечь — вернейшее средство от исторической слепоты, катализатор гражданских добродетелей.

Попытаемся же услышать выстраданную правду мудреца.

Т. СЕРГЕЕВА.